

18+

Виктор ДЪЯКОВ
ПРОИСШЕСТВИЕ НА МЫСЕ КРИЛЬОН

Виктор Елисеевич Дьяков

Происшествие на мысе Крильон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48708272

SelfPub; 2019

Аннотация

Семидесятые годы XX-го века, Сахалин. На границе с Японией в нелегких условиях несет боевое дежурство личный состав зенитно-ракетного дивизиона. По замене в дивизион приходит новый командир-рвач. Он начинает издеваться над подчиненными, регулярно объявляя готовности по ночам и во время обеденного перерыва. Но этого ему мало, он хочет во чтобы-то ни стало отличиться и с этой целью задумал сбить японский самолет, все равно какой и независимо от того нарушил он границу, или нет...

Содержание

1
2

4
10

1

Мыс Крильон, это южная оконечность острова Сахалин. В ясный день с него можно наблюдать, расположенный в сорока с небольшим километрах японский остров Хоккайдо. На мысе имеется маяк, а в советские времена неподалеку располагался зенитно-ракетный дивизион. Задачей дивизиона являлась охрана участка воздушной госграницы, проходящей посередине пролива Лаперуза, отделяющего Сахалин от Хоккайдо. Имелась ли острая необходимость нахождения в столь отдаленном и труднодоступном месте подразделения, вооруженного по тому времени очень высокотехнологичными ракетами, способными нести даже ядерные боеприпасы небольшой мощности? Тогда о том особо не задумывались, размещали такие «точки», где ни попадая, не очень заботясь о том, как там будут выживать военнотружущие и их семьи. На том же Сахалине «точка» на Крильоне была отнюдь не самой «тяжелой». Одну радиолокационную роту вообще загнали на мыс «Терпения», где не то, что какую-то боевую задачу выполнять, жить было почти невозможно, а добираться туда можно только на вертолете. Тем не менее, и жили, и служили, и выполняли.

Впрочем, не имеющие связей и покровителей офицеры на Сахалин даже рвались, и если им удавалось туда попасть, ли-

бо сразу после училища, либо по замене, считали это большой удачей. Почему? Да потому, что там имел место полуторный коэффициент к должностному окладу и год службы тоже шел за полтора. А условия... что условия, в Сибири примерно за те же «тяготы и лишения» шла всего лишь пятнадцатипроцентная надбавка к окладу и служба год за год. В Средней Азии за несусветную жару, песчаные бури и не очень дружественное окружающее население те же пятнадцать процентов и ничего более. На Кавказе вообще ничего за откровенно враждебное окружение, где солдату или офицеру славянам в одиночку лучше за пределы части носа не высовывать – в лучшем случае просто избыют, тем более женам офицеров – наверняка изнасилуют. Так что Сахалин для простых офицеров и прапорщиков являлся весьма престижным местом службы. Ну, а для непростых, блатных... Такие в подобные места вообще не попадали, предпочитая служить родине в пределах заграничных (европейских) групп войск, на Украине, в Белоруссии, Прибалтике (да, в Прибалтике тоже имело место недружественное окружение, но в то же время культурные прибалты на военнослужащих не нападали и русских женщин не насиловали, а условия жизни там были почти европейские), в Московском ВО. Впрочем, МВО кроме самой Москвы и ближайшего Подмосковья для сливок армейского общества тоже был не кмильфо, как и Ленинградский ВО, кроме самого Питера – в России почти везде жили плохо, голодно, неуютно. Поэтому для армейской

блатоты также было запаadlo менять, например ГСВГ на не престижные Приволжский или Уральский ВО, а прочие более восточные или южные регионы ими вообще не рассматривались, то были места службы, предназначенные в основном для офицеров-пролетариев. Одним из таких мест и была «точка», располагавшаяся вблизи мыса Крильон.

Те события происходили в семидесятиx годах. СССР еще крепко стоял на ногах, более того достиг апогея своей сверхдержавной в первую очередь военной мощи. В этой связи и руководство страны и армейские главковерхи еще не испытывали той нервозности, что имела место в следующем десятилетии, когда мандраж высшего командования приводил к сбиванию гражданских самолетов сопредельных государств и т.д. Так вот, в семидесятиx в приграничных подразделениях войск ПВО страны обстановка была сравнительно спокойной. На том же Крильоне офицеры и прапора терпеливо переносили тяготы и лишения этого сурового края, удовлетворяясь полуторным окладом и такой же полуторной выслугой и мечтали после положенных пяти лет службы здесь заместиться в район с более благоприятными климатическими и бытовыми условиями...

Офицеру наведения старшему лейтенанту Геннадию Рынди́ну до той замены оставалось полтора года и они с женой Раисой уже начали прикидывать, куда бы заместиться получ-

ше. Хотя, конечно, не прикидывать, а гадать, ведь повлиять на ту замену они никак не могли – брата, ни родственного, ни какого другого у них не было. Потому рассчитывать они могли только на везение – что выпадет, то выпадет.

– Хорошо бы поближе к дому попасть, – мечтательно улыбалась, снаряжая трехлетнего сына на улицу, Рая.

– Да уж, неплохо бы, – соглашался пришедший на обед со службы и собирающийся сесть за кухонный стол Геннадий.

Домом, родными местами, супруги Рындины считали Ярославскую область, из которой происходили, потому и мечтали перевестись в Московский военный округ, пусть даже на его периферию.

– К сожалению в МВО нам вряд ли отсюда попасть, – тут же и отверг такую возможность Гена, садясь за стол и беря в руку ложку.

– Да ладно, хоть бы куда, но туда где русские живут, – снизила запросы Рая.

– Да нет, русские почти везде плохо живут, снабжение плохое, дорог нет, колодрыга и служба там год за год почти везде. Куда лучше на Украину заменить, там и тепло, и с продуктами хорошо, дефицита такого как в России нет, – Гена с аппетитом ел наваристый борщ.

– Да, я не против, хоть Украина, хоть Белоруссия, только не к чуркам, – при произнесении последнего слова в голосе Раи послышались нотки испуга...

Подобные разговоры в семье Рындиных происходили тем чаще, чем ближе подходило время замены. Пришло прохладное дождливое сахалинское лето и Геннадия оставалось служить здесь последний год. А в это лето подошел срок замены командиру дивизиона – событие весьма значимое для «точки». Прежнего командира, сравнительно пожилого и обстоятельного подполковника на дивизионе уважали. И вот теперь его должен был заменить новый командир. И все гадали, что тот окажется за человек. Ведь именно от командира во многом зависела моральная обстановка в таких вот фактически автономных подразделениях. Старый командир устроил щедрую «отходную» для офицеров и прапорщиков дивизиона. Щедрость, кроме того, что подполковник был мужик неплохой, объяснялось еще и тем, что ему повезло, он заменялся на Украину, самое лучшее для простого советского офицера место службы в пределах СССР. Итак, старый командир уехал и вскоре прибыл новый...

Рвачи-карьеристы рождаются сами по себе, вне зависимости от эпохи. Чего они «вырывают»? Ну, это во много зависит от покровителей и «стартовой позиции», с которой они стартуют на пути достижения «наград и чинов». Пришедший на Крильон майор покровителей не имел, и стартовая позиция его была не очень высокой и, тем не менее, он оказался тем самым рьяным рвачем. Он сразу принялся наводить на дивизионе, так называемый, уставной порядок, вернее просто мучить, а иной раз и издеваться над подчиненными. Ес-

ли бы только это. Другой бы со временем, сообразив, что его усилия остаются тщетными, остыл и, может быть, даже перевоспитался. Но крильонцам не повезло «новый» оказался клиническим рвачем. Его жажда, во что бы то ни стало отличиться, засветиться не иссякала. И он «засветился», правда, отличиться не получилось...

2

Особенно «новый» любил мучить подчиненных объявлением внезапных тревог-готовностей в самое неподходящее время, например ночью, или во время обеденного перерыва. И в тот раз, он решил объявить «готовность» в обед. Для этого он сам пообедал заранее, а подчиненные услышали сирену, объявлявшую тревогу, как раз во время приема пищи. Сам «новый» уже находился на своем рабочем месте на позиции дивизиона и фиксировал насколько быстро, укладываясь, или не укладываясь в установленное время, прибывали на свои рабочие места офицеры, прапорщики и солдаты. Ввиду того, что это была уже далеко не первая такая готовность в столь неурочное время, большинство, в первую очередь офицеров, в знак молчаливого протеста, не проявляли должного усердия. Данное обстоятельство весьма разозлило «нового». На его прежнем месте службы, на благодатной Украине, все за свои места, что называется, держались и там такое отношение к выполнению приказов командира дивизиона, даже если они диктовались самодурством, было немислимо. Построив весь личный состав, «новый» стал проводить воспитательную беседу. Но все его слова, что называется, отлетали, что от стенки горох. Даже его заместители, не говоря уж о более «нижестоящих», внимали им с аб-

солютным равнодушием, надеясь поскорее возобновить прерванный обед. Это еще более взбесило «нового». Он объявил, что отбоя готовности не будет, и до самого конца рабочего дня все будут заниматься боевой подготовкой. То есть, обед окончательно «накрылся».

Все разошлись по своим местам, согласно боевого расчета. Включили станцию наведения ракет, провели контроль ее функционирования и уже собирались запустить тренировочную аппаратуру, чтобы с ее помощью начать имитацию боевой работы по самолетам-нарушителям... Как, вдруг, «новый» на своем индикаторе кругового обзора узрел... реального «нарушителя»!

– А это что еще за букашка здесь ползает!?! – удивленно воскликнул «новый» при виде микроскопической отметки, с небольшой скоростью перемещавшейся вдоль госграницы, над проливом Лаперуза.

– Да это японец, частный самолетик, частенько тут летает, – спокойно пояснил, сидящий рядом с «новым» начальник штаба дивизиона.

– Это ж... да он почти нарушает границу... почти по ней летает! – по непонятной для окружающих причине «нового» явно охватывало нечто похожее на охотничий азарт.

– Да, случается. Иной раз при плохой видимости на пару километров залетит на нашу сторону, но тут же назад улетает. С час вот так полетает и у себя садится, – вновь обыденно объяснил реалии приграничной жизни НШ, про себя на-

десять, что у «нового» вскоре все же иссякнет «запас» и он объявит отбой готовности.

С той же мыслью сидел перед своим пультом и Геннадий, досадуя, что во время обеда успел съесть всего несколько ложек первого.

– Будем считать, что и сегодня нарушил, – негромко в основном для самого себя проговорил «новый» и тут же, резко повысив голос, скомандовал. – В воздухе самолет-нарушитель госграницы! Дивизион к бою, готовить две непрерывно!

– Какой нарушитель, он же над нейтральными водами!?! – попытался отрезвить «нового» НШ.

– Товарищ майор по нему нельзя стрелять. Мы этот самолет знаем и по качеству его отметки уже не первый год судим о работе нашей приемо-передающей системы. Он же для нас тут почти как родной стал... он же никакой угрозы не представляет... он же не разведчик, это по скорости, высоте и маневренности видно, – вслед за НШ, со своего места заговорил и Геннадий.

– Он в нашей зоне поражения, и отсюда не видно кто он, может он маскируется под гражданский борт, а сам разведку проводит, – с загоревшемся взором отозвался «новый», и тут же продолжил с металлом в голосе. – Я сказал, дивизион к бою!!

Что верно, то верно, от позиции дивизиона до этого крошечного самолетика было тридцать-тридцать пять километров, и он медленно летел на высоте где-то шесть-семь тысяч

метров – идеальная цель для зенитно-ракетного комплекса.

– Ты что, с ума сошел, не вздумай!?! Не только мы тут, в штабе полка тоже знают про этот самолет. Сам, что ли не видишь, не могут так разведчики летать!?! – теперь уже в голосе НШ сквозил нешуточный испуг.

– Да кто там станет разбираться... могут, не могут... Скажем, что он границу пересек. А за сбитого нарушителя... нам всем ордена, медали... в академию вне конкурса, – уже негромко, так чтобы слышал только НШ... «новый» уже как бы уговаривал его.

– Какие ордена, ты что свихнулся!?! – НШ, напротив, говорил громко, почти кричал, чтобы слышали все.

Весь боевой расчет, находящийся в кабине управления, три солдата оператора ручного сопровождения, офицер наведения, командир стартовой батареи, застыли на своих местах, слушая перебранку двух майоров, командира и его первого зама, начальника штаба.

– Молчать! Я здесь командир! Товарищ майор, немедленно покиньте кабину управления!?! – теперь уже заорал и «новый».

НШ побагровел, словно от натуги, и сделал еще одну попытку образумить «нового»:

– Не делай этого!

– Вон отсюда!

– Позвони хотя бы в полк, спроси разрешение на открытие огня, – не оставлял попыток разубедить «нового» НШ.

– В экстренной ситуации я имею право самостоятельно принимать решения! – с этими словами «новый» буквально вытолкнул НШ из КУНГа и тут же захлопнул за ним дверь.

Вернувшись к своему ИКО, он убедился, что самолетик по-прежнему находится вблизи границы и тут же через громкоговорящую связь стал ставить боевую задачу:

– Слушать только мои команды. В воздухе самолет-нарушитель госграницы. Дивизион к бою, готовить две непрерывно!

По этой команде руки Геннадия рефлексивно дернулись к своему пульту, чтобы произвести соответствующие манипуляции с тумблерами и кнопками. Но тут же он их отдернул, боясь прикоснуться к пульту словно тот стал нестерпимо горячим.

– Товарищ майор, все же надо бы позвонить в полк оперативному дежурному, поставить в известность командира полка, – теперь уже к рассудку «нового» взывал Геннадий.

– Молчать!... Товарищ старший лейтенант, я приказываю вам немедленно подготовить станцию к боевому пуску! За невыполнение приказа пойдете под трибунал!...

Геннадий не знал что делать. Согласно субординации он обязан выполнить приказ непосредственного начальника, с другой... этот начальник явно пошел вразнос. В конце-концов дисциплинарный фактор взял свое – Геннадий не мог не подчиниться. Против воли, деревянными руками он сделал все необходимые переключения. Потом «поймал» неза-

дачливый самолетик в перекрестие вертикальной и горизонтальной меток на своих индикаторах, дрожащим голосом отдал команду операторам:

– Взять цель на ручное сопровождение!

Теперь уже операторам предстояло вести цель, удерживая ее в «перекрестии».

– Цель уничтожить, двумя, очередью! – торжественно, словно объявлял судебный приговор, провозгласил «новый».

Но выполнить эту команду, то есть нажать на кнопку «пуск» и таким образом обречь на верную смерть летчика и, возможно, пассажиров этого самолета... Этого Геннадий сделать оказался не в состоянии. Он не раз нажимал эту кнопку во время учебных стрельб на полигоне по радиоуправляемой мишени, но сбить «живой» самолет, к тому же зная наверняка, что он совершенно безвреден...

– Товарищ майор, этого нельзя делать... позвоните в полк, – едва не умолял Геннадий «нового».

– Жми кнопку, сука!!... Я тебя лично перед строем расстреляю!! – «новый» привстал со своего места и буквально навис над офицером наведения, словно собирался вместо него нажать на кнопку.

Геннадию стало жарко. Он медлил, тянул время, надеясь, что самолетик отвернет от госграницы и полетит к себе, и таким образом выйдет из зоны поражения дивизиона, то есть ракета его уже не достанет. Но тот словно нарочно не

спешил, продолжая беспечно лететь над проливом... И тут Геннадий почувствовал легкий толчок в ногу. Это, просу- нув свою длинную ногу, толкал его командир стартовой ба- тарей, уже немолодой капитан. Геннадий недовольно бросил на него быстрый взгляд и увидел, что капитан, незаметно для «нового» делает ему недвусмысленные знаки. По его губам Геннадий скорее неким внутренним чутьем, нежели зрени- ем, сообразил, что тот хочет ему сказать: «нажимай, ничего не случится». И еще стартовик кивал на свой пульт, давая понять, что сделает так, чтобы ракета не полетела. «Новый» этого обмена взглядами не заметил, ибо буквально готов был закипеть как чайник на раскаленной плите, от того что офи- цер наведения медлит с выполнением его приказа.

– Стреляй... я приказываю!!

Наконец Геннадий все же решился, нетвердой рукой при- коснулся к кнопке... Команда «пуск» зажгла соответствующее табло и по кабелю пошла к пусковой установке... Совет- ская военная техника того времени была громоздкой, внеш- не неуклюжей, но в то же время очень надежной. Электро- импульс, как и положено, дошел до пусковой, заставил сра- ботать детонатор в пиропатроне, тот в свою очередь поджег порох в пороховом двигателе ракеты, ПРД воспламенился и раздался соответствующей старту боевой ракеты страшный звук. По кабине управления застучали комья почвы, выби- тые мощной струей пороховых газов – ракета стартовала.

Геннадий в ужасе посмотрел на командира стартовой ба-

тарей, но тот сделал успокаивающий жест и кивнул на индикаторы офицера наведения. Геннадий тоже посмотрел на свои индикаторы и увидел, что отметка от ракеты, едва отделившись от «земли», тут же опять в нее «ткнулась». А «стробы», то есть импульсы станции наведения ракет, предназначенные для того, чтобы приклеиться к ракете и «тащить» ее в «перекрестие», то есть к цели, ... они не найдя ракету так и остались на своих местах, то есть на «земле». Ракета, едва сойдя с пусковой, почему-то не полетела. «Новый», убедившись, что первая ракета не полетела, тут же решил запустить еще одну:

– Пускай вторую... жми!

– Чего жать, не видите, не летят! Одну угробили, хотите и вторую угробить!? – теперь уже вполне обоснованно повысил голос и Геннадий.

– Как это не летят!? Это, наверное, ракета неисправная, пускай вторую! – уже далеко не с прежней уверенностью настаивал «новый».

– А если не в ракете дело, а в чем-то другом!? Наверняка и вторую угробим, а они денег немереных стоят, – все увереннее «дискутировал» Геннадий, почувствовав, что «новый» уже не столь тверд в своем стремлении не считаясь ни с чем сбить этот, как ему казалось, сулящий ордена самолет.

До «нового», наконец, дошло, что пытается ему объяснить офицер наведения, и он моментально перенес свое недовольство на комбата старта:

– В чем дело, товарищ капитан, почему у вас ракеты не летят!?

Капитан всячески изображал, что тоже не понимает в чем дело и лихорадочно щелкал тумблерами на своем пульте, проверяя исправность стартового оборудования... И тут, наконец, раздался телефонный звонок... с командного пункта полка, расположенного за несколько десятков километров от дивизиона...

Пока в кабине управления происходили вышеописанные события, НШ не сидел сложа руки. Он добежал до дивизионного узла связи и оттуда позвонил на КП полка. Полковой штаб располагался вблизи Южно-Сахалинска и тамошние офицеры тоже на службе особо «подметки не рвали». Рвачи в полк попадали крайне редко и потому там никто не ожидал, что может отчебучить «новый». Командир полка даже не сразу врубился, о чем ему в состоянии крайнего волнения сообщает НШ с «Крильона». Но когда тот услышал старт ракеты и уже панически доложил, что дивизион открыл огонь... Командир полка тут же приказал соединить его с «новым» и своей властью отменил готовность. Затем он прыгнул в свой УАЗик и с максимальной скоростью, которую позволяли разбитые сахалинские дороги, поспешил на дивизион...

Едва появившись на дивизионе, он собрал в канцелярии офицеров и при всех отстранил «нового» от командования

дивизионом. ВРИО командира он назначил НШ. Потом пошли смотреть на стартовавшую, но не взлетевшую ракету. Она, сойдя с пусковой за счет порохового двигателя, пролетела где-то с полкилометра и, врезавшись в сопку, развалилась. Это командир старта, перевел соответствующий тумблер в «нужное» положение, в результате чего пусковая оказалась на «углу заряжания» вместо того чтобы быть на «углу» боевого пуска. Командир полка, сам бывший стартовик, все сразу понял и отвел в сторону комбата старта, чтобы без особой помпы, неофициально, поблагодарить его... за то, что весь полк, вся Армия ПВО, весь Союз, избежали международного скандала. Да, тогда в Советской Армии еще служили в основном разумные, адекватные люди. Во всяком случае на уровне полкового звена. Но таковые, как правило, выше не поднимались. Куда чаще на высшие командные должности прорывались рвачи типа «нового», которому в данном конкретном случае сильно не повезло.

Через год Рындины заменились «на материк». Повезло ли им с заменой? Не очень. Они не попали в сытую и теплую Украину. Они попали в холодную и голодную Сибирь (в советское время Сибирь очень плохо снабжалась). Здесь служить было не очень комфортно, но достаточно спокойно. К тому же Геннадий рассказал о происшествии на мысе Крильон своему новому сослуживцу, который и написал вышеприведенный рассказ.

В оформлении обложки использовано изображение с сайта <https://pixabay.com/ru/photos/оружие-стратегии-ракета-2370028/> по лицензии Public Domain